

НЕКОНКРЕТНОЕ, НЕПОНЯТНОЕ,
НЕОБЪЯСНИМОЕ:
КВИРОВАНИЕ КАК ПОПЫТКА
СУЩЕСТВОВАТЬ В ПОСТСОВЕТСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ

ТОНИ
ЛАШДЕН

Сегодня двое мужчин поругались, пытаюсь решить, могут ли они называть меня пидором, или все-таки, если я женщина, то нужно называть меня как-то иначе? Могут ли женщины быть пидорами? Главный вопрос, который один мужчина задавал другому в комментариях под моей статьей о квир: как понять, что я женщина, если они не могут в этом убедиться? Они будут полными дураками, если назовут женщину пидором, поэтому нужно обязательно понять и проверить.

Я не давал_а им подсказок. Я наблюдал_а за тем, как два человека, далекие и от гендерных исследований, и от ЛГБТ+ активизма, сформировали один, единственно важный вопрос: как мы наполняем категории идентичности и что происходит, когда мы попадаем в ситуации, где эти категории больше ничего не значат?

1. Квир как отказ

За последние пять лет (за все то время, когда я не отвечаю на вопросы о своем поле, о гендере, о своей идентичности; за все то время, когда я слушаю удивленное: «О, я думал, что вы мужчина» — и разочарованное: «А я думала, вы женщина»; за эти годы, наполненные «Ну, это надуманное», «Однажды ты это перерастешь» и «Такие люди, как вы, разрушают феминизм изнутри») я очень часто оказывал_ась в ситуациях, где люди злились на меня. Люди хлопали меня по плечу и говорили: «Ну, ладно,

квир так квир, но с кем ты встречаешься, с женщинами или мужчинами?» Или раздраженно пожимали плечами: «Вы в своем активизме придумываете тысячи гендеров, уже пора бы прекратить». Или недоумевали: «Я не могу понять, как такая красивая девушка говорит о себе “он”. Наверное, вы переживаете какую-то травму?» И так все эти пять лет, люди, вступавшие в коммуникацию со мной, пытались дать мне какую-то идентичность и огорчались, когда я не соответствовал_а этим выставленным ожиданиям.

Квир для меня — это отказ называть себя; для окружающих это про неудобство, про ошибку в коммуникации, про неспособность взаимодействовать в ситуациях, где категории гендера нет. Вот совсем недавно одна фотографка сообщила мне, что думала, что придет мужчина, а пришел_а я. «Как вы понимаете, что я не мужчина?» «О, — сказала она, — я не знаю. Но ведь для людей очень важно быть кем-то. Если вы не женщина и не мужчина, то кто вы тогда?»

Идентификация в русскоязычном пространстве — это уже активистское действие. Если я скажу, что я лесбиянка, откажется ли от меня моя семья? Если я скажу, что я транс*мужчина, выгонят ли меня с работы? Если я сообщу свой ВИЧ-статус, будут ли общаться со мной мои друзья? Или, даже если не брать такие примеры, если я публично скажу, что я женщина и это важно для меня, смогу ли я получить руководящую должность? Заявление о том, что у тебя есть идентичность — это заявление о том, что у тебя есть потребности и, что важнее, голос, чтобы говорить про эти потребности. Борьба за такой голос понятно, хотеть его понятно, и, конечно, что еще понятнее, разные голоса по-разному важны в обществе, где женщины* должны рожать детей, а мужчины* — ходить на войну.

Квир — это отказ присоединяться к какой-либо группе, это про нежелание участвовать в изначально несправедливом процессе, это про сепарацию и выход из системы.

За что я борюсь, когда я говорю, что я квир? Ни за что. Я не борюсь ни за что и ни за кого. Я против всех.

2. Квир как источник раздражения

Теперь про важное, про институциональную память. Летом 2015 г. на фестивале Meta в самом центре Минска Валерий Созаев, гей-активист, говорит о том, что квир уничтожает сообщество, разъединяет, дает

фантомное ощущение безопасности. Пока власти не понимают, что мы геи и лесбиянки, и думают, что мы квир, они вроде бы не придут за нами. Да и что такое этот квир? Привезенный из Штатов термин. Чужой для русскоязычного пространства.

В 2015 г. я впервые слышу, как кто-то на русском произносит слово *квир*, да еще и пытается проанализировать и обсудить его. В Минске квир как часть повестки почти не существует, но когда он появляется, а появляется он чуть позже тем же летом, с лекциями про небинарность и гетеронормативность, то он начинает раздражать сразу всех и вся.

Квир раздражает и ЛГБТ+ активист_к, и феминист_ок, и гендерных исследователь_ниц, раздражает своей неподконтрольностью. Сначала квир пытались объяснить через квир-теорию, которую привезли из европейских университетов, поставили рядом с «Gender trouble», сказали, что квир — это отказ от означивания. А люди взяли и стали использовать его в качестве идентичности. Кроме квир, забрали транс*, небинарность, флюидность, номадизм. Все то, что в западной академии означало непостоянность и текучесть, вдруг стало конкретными категориями.

Почему в постсоветском пространстве вообще есть спрос на категории идентичности из другого контекста? Я бы сказал_а, что это потому, что внутри этого пространства никто больше не знает, что значит быть женщиной* или мужчиной*. Потому что бинарные категории больше нечем наполнить, предписания, которые в них содержались, не применимы к проживаемой реальности. Вот, вроде бы, быть женщиной* значит выйти замуж, родить ребенка, ходить на работу, убирать дома, носить каблуки и макияж. Но для части людей, родившихся в 1990-х, нет никакой экономической возможности иметь этот дом, иметь этого ребенка. Провал неопатриархальной системы, связанный в Беларуси и с экономической стагнацией, и с тотальной дисфункцией всех социальных институтов от школы до церкви, идет рука об руку с отсутствием какого-либо политического выбора. И раз уж ты не можешь ничего выбирать в этой стране, то ты хотя бы можешь выбрать себе идентичность.

В таком прочтении квир раздражает еще больше: это мягкое, но неотвратимое напоминание, что ничего больше не работает. Даже квир — европейский, англоязычный квир — не работает.

3. Квир как отчаяние

Что я могу изменить в Беларуси? Я не могу изменить ничего. Я могу обманываться, могу тешить себя надеждой, что политическая система так или иначе изменится, что рано или поздно социальный прогресс придет. Но здесь и сейчас я не имею никакого контроля над государственными структурами, никакого контроля над политическими процессами, никакого контроля над внешним миром. В этой стране никто не представляет мои интересы; нет такого человека, который бы говорил от меня и для меня.

Поэтому я начинаю с нуля. Мне не нужно никакой партии, мне не нужно никаких других репрезентанто_к, кроме меня и моего тела. Я не хочу менять систему, в которой мне ничего не принадлежит, в которой моя единственная функция — это функция подчинения.

Квир — это мое отчаяние, это мое бессилие. Если глобальная социальная перемена невозможна, тогда я буду изменять себя. Я буду изменять часть за частью, сантиметр за сантиметром, вытирая и вымарывая из себя подчинение, пассивность, угнетенность. Я буду менять свой язык, свой способ мыслить и говорить, свой способ проживать эту реальность. И даже если это значит, что другие люди будут наказывать меня за это, я буду продолжать это делать.

Потому что мне нечего терять в мире, в котором для меня нет места.

4. Квир как провокация

Список моих идентичностей, подаренных другими людьми: страшная лесбуха; пидор; оно; жирная феминистка; членодевка; транссуха; большая баба; ебанутое существо. Бережно храню их всех.

Откуда берется агрессия на квирование? Эта агрессия связана со страхом. Там, где нет места ненормативным идентичностям и практикам, нет места сомнениям в заведенном порядке вещей. Критика гетеросексистского порядка вызывает желание защищаться, потому что она несет идею о несостоятельности и несправедливости такого порядка. Если завтра все женщины* откажутся выполнять бесплатный репродуктивный труд, капитализм потеряет свой главный источник дохода. Если завтра все мужчины* откажутся принимать участие в милитаристских дейс-

тивях, направленных на защиту фантомных национальных государств, военные корпорации обанкротятся. Если мы признаем, что токсичная маскулинность и связанная с ней культура чрезмерного употребления мяса, использования автомобилей, рискованных инвестиций, перепроизводства и перепотребления, имеют реальное влияние на климатические изменения, то мы окажемся лицом к лицу со многими неприятными вопросами. Множество людей хотели бы избежать подобных сценариев.

Где в Беларуси находятся гетеросексистские пространства? Везде. И везде нахождение в них связано с чрезвычайно сложной системой штрафов.

Хочу поделиться лишь кратким списком того, что, как оказалось, недопустимо делать:

- не брить подмышки и (или) ноги, выходя на улицу летом или весной;
- краситься косметикой и не краситься косметикой (в разных ситуациях по-разному, но нужно угадать, в каких это разрешено, а в каких — нет);
- говорить о менструации, о контрацептивах, о репродуктивных системах, о заболеваниях, передающихся половым путем, о вагине и матке в любых возрастных группах любого состава;
- говорить об оральном сексе как самостоятельном предмете разговора, об оральном сексе как альтернативе пенетрации, о других видах секса за пределами утомительного гетеросексуального представления о том, что оргазм можно получить только при помощи пениса, о сексе без мужчин*, о сексе с мужчинами*, о мастурбации;
- признавать реально существующее неравенство в оплате труда в Беларуси;
- утверждать, что в Беларуси существует проблема домашнего насилия и изнасилований, которые происходят, в том числе, в школах, университетах, больницах, армии и тюрьмах;
- указывать собеседникам на их расизм, сексизм и дискриминацию по отношению к людям с ментальными и физическими особенностями;
- не состоять в отношениях и состоять в отношениях;
- говорить о себе в мужском роде, в среднем роде, во множественном числе;
- требовать уважения к своим личным физическим границам, к своему «нет», к своему мнению и своему голосу.

Как я вообще оказываюсь в гетеросексистских пространствах, не созданных для меня (не созданных ни для кого)? Часто я оказываюсь там

благодаря моему цисгетеро пассу: если я не начну говорить, то многие люди примут меня за сво_ю. Они начнут делиться милыми и забавными историями из своей семейной жизни, шутить невинные шутки о соседях и шепотом обмениваться со мной интимными историями. Мне больше не нужна дружба гетеросексистского большинства. Я больше не могу притворяться, не могу менять окончания глаголов, когда говорю о своих партнер_ках, не могу интересоваться планами свадеб и *happily ever after*. Поэтому я задаю неприятные вопросы, начинаю некомфортные беседы.

И я думаю именно эти предательские интервенции (все думали, что я «нормаль_ая», а я решаю обсуждать секс-работу на вечеринке после шуток о вебкам моделях) и вызывают такую агрессию. Если меня и таких, как я, нельзя вычислить по нашему внешнему виду, по нашим именам и фотографиям, значит, больше не существует инструмента, который бы отделял зерна от плевел и помогал поддерживать баланс системы.

Значит, для гетеросексистского большинства больше не осталось эксклюзивных пространств. Значит, никто не может иметь абсолютную уверенность, что квир маргинал_ки не просочились в институты власти и не пытаются расшатать их изнутри, саботируя решения государства.

Квир — это практика партизанских вмешательств, взращивания сомнения даже в самых ярых защитни_цах капиталистического патриархата в справедливости этой системы и ее надежности.

5. Квир как радикализм

Не слишком ли рано мы начали использовать слово *квир*, когда повестка лесбиянок и геев еще не сформирована? Может, конечно, и так, но чего ждать? Представление о том, что в ЛГБТ+ движении есть какая-то последовательная ступенчатая логика, в последнее время стало особенно видимым, когда возникла потребность консолидации усилий (например, в последний раз такая попытка возникла при работе над законопроектом против дискриминации). Сначала мы боремся за права геев, потом мы вспоминаем о лесбиянках, потом, лет через двадцать, когда большая часть транс*гендерного сообщества окажется вовлеченными в индустрию проституции и будет умирать от неправильного приема гормональных таблеток, купленных на черном рынке, мы начнем делать программы и для них в том числе.

Когда активист_ки из феминистского поля критикуют меня за _нижние подчеркивания_, за множественное число, за отказ от идентичности, потому что это все слишком рано, это отвлекает людей от главной цели феминистского движения (какая она — главная цель феминистского движения?), я не понимаю, сколько еще мне нужно прождать, чтобы выступить с этой повесткой.

Я ждал_а на протяжении всех своих школьных лет, всех университетских лет, все годы работы, все часы, дни и месяцы, проведенные в активизме. Ждал_а, что произойдут какие-то изменения, которые уверят меня, что справедливость и перемены возможны. Но закон о противодействии домашнему насилию так и не принят, преступления на почве ненависти так и не расследуются, жертв изнасилований все так же обвиняют и унижают даже после их смерти, ксенофобия и изымательства над мигрант_ками в Беларуси игнорируются, массовые самоубийства в армии замалчиваются.

У меня нет ни сил, ни времени ждать. Я не хочу компромиссов и полумер. Я хочу радикальных перемен здесь и сейчас. Я хочу тотального пересмотра системы гендера и сексуальной ориентации. Я хочу упразднения иерархий, базирующихся на идентичностях. Я хочу коренных преобразований во всех социальных институтах, я хочу горизонтальности и справедливости, хочу защиты уязвимых групп и ответственности привилегированных групп.

Я хочу мир, где есть место для меня.